

Горис
ерлин
Б

Ню

Борис Берлин

Ню

«Э.РА»

2014

Берлин Б.

Ню / Б. Берлин — «Э.РА», 2014

Это книга не о любви... это - о встрече и ожидании встречи, о маете двух разделенных сердец, это о том, каким бывает мир, когда - вместе. Это - книга о тебе.

Содержание

| | |
|---------------------------------------|----|
| Право на возвращение | 5 |
| Пролог | 5 |
| Есть Бог на свете | 6 |
| Звонок | 10 |
| Неотвратимость | 15 |
| Рыжий и его женщина | 18 |
| Кувшин | 22 |
| Белый тюльпан | 26 |
| Не захлебнуться тишиной... | 29 |
| Во имя отца и сына, и святого духа... | 31 |
| Птицеловы | 33 |
| Быть богом | 36 |
| Инь и Ян | 39 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

Борис Берлин Ню

Право на возвращение

Пролог

Не говорите, что – осень.

Из-за тумана, с той стороны невидимой реки, длилась – тишина... Только два неслышных голоса шептали друг другу... Как два опавших листа или два майских жука. И не говорите, что – август...

– *Что же мы – так никогда и не встретимся?*

– Ну почему – встретимся – и даже обязательно. Только потом пожалеем о этом.

– *Почему? Это грустно... Но я тебе верю – ты всегда все знаешь.*

– Правильно. Верь мне. И тогда все будет хорошо.

– *Ты говоришь – все будет хорошо – и от этих слов такой холод...*

– Тебе не может быть холодно, маленькая врунишка. Я ведь с тобой, да?

– *Ну да, ну да – не может – я просто преувеличиваю. Обожаю преувеличивать...*

– А я обожаю тебя.

– *Это славно – мне это нравится...*

– Ну а ты? Нет, я не буду спрашивать, скажи сама, а?

– *Я... А что я? И ты сам все знаешь. Давай лучше о другом...*

– О чем моя сладкая? О чем?

– *Расскажи – как мы встретимся, как все произойдет.*

– Все будет непросто. Да, непросто. И – по-разному. Слушай...

Есть Бог на свете

Часть первая – Оля

Мой самолет разбился в 7.30 утра.
Сильнее страха было удивление.
Неужели этот ужас происходит со мной.
Этого просто не может быть.
Еще молодая, любимая, карьеру сделала, мужчины вслед оборачиваются, подруги говорят – везучая.
Мне и по правде всегда везло.
До сегодняшнего дня.
Не хочу вспоминать про то, что началось в салоне после того, как люди поняли, что – все.

Самолет полный.
Группа детей с воспитателями – английские школьники – возвращаются домой после месяца, проведенного в Москве и Питере – месяца изучения языка и архитектуры. Молодожены – сидят на ряд впереди.
Старик – строгий и нахмуренный – с самого момента посадки.
Стюардессы – красивые, вышколенные.
И еще много других, к которым и присмотреться-то не успела.
Как вдруг, все разломилось на несколько кусков – и нет ничего.
Про это вспоминать не хочу.
Я о другом сейчас.
О другом.
Глеб встречает меня в лондонском аэропорту.
Вот он – наконец-то я его вижу вблизи.
Толпа обезумевших людей, (видимо, уже объявили про катастрофу) и он среди них.
Седая голова, синие глаза.
Улыбка знакомая, но сейчас – как будто приклеенная.
Не поймет, в чем дело.
Не верит, что все кончилось, так и не начавшись.
Милый...
Милый мой...

Я прозрачна и невидима, а потому безбоязненно прохожу сквозь ступки человеческой боли и оказываюсь рядом с ним.
Моя ладонь невесома, но я касаюсь его щеки.
Касаюсь...
Господи, ведь мы целый год мечтали об этом.
Коснуться...
Да не год – какое там. Целую жизнь мечтали – и вот...
Глеб беспомощно озирается по сторонам.
В толпе кто-то падает.
Крики, крики, крики...

– Милый, – шепчу я, – мне не больно, мне совсем не больно... Ну что поделаешь – не сложилось у нас. Деток жалко – погляди на их семьи – вот горе то. А я – что ж, прости – не долетела я до тебя...

Год писем, и все закончилось здесь.

А сейчас я читаю его мысли. Они мечутся, как звери в клетке.

И последняя: «Не сложилось...»

Я чувствую тупую боль в его груди и накрываю ее своей ладонью.

Боль тут же утихает.

И хорошо.

Не надо, чтобы боль.

Не надо, чтобы смерть.

Живи – и за меня и за себя – и за нас.

Ведь есть же бог на свете...

Часть вторая – Глеб

Вот уже десять дней, как ее нет...

Десять дней, десять лет, десять жизней...

Неужели – уже десять? Моей Оли...

Мы знакомы год... Были знакомы... были...

Это принято называть виртуальной любовью. Может, так оно и есть, но тогда, что такое любовь – вообще... Никакая не виртуальная, а просто – любовь, обычная, когда двое... Я не знал. А потом мы встретились.

Так оно и было – встретились. Наши письма, наши мысли, наши души... И даже наши тела...

Тысячи, тысячи писем с одного континента на другой – как дышать, есть, пить, как – жить...

Да, мы научились и этому тоже.

Говорить друг другу «доброе утро» и «спокойной ночи», смотреть в глаза и улыбаться, сердиться и умирать от нежности друг к другу, ссориться и мириться, все, как в обычной жизни, как у всех...

Но, как у всех, так и не стало.

Ее самолет – упал.

Мы сумели, смогли дотронуться душами, но не руками, не губами, не глазами – не сложилось...

Сказать по правде, я почти ничего не помню. Просто в какой-то момент – ватная тишина, и вокруг – изменившийся мир, в котором все стало – до, а что – после...

Да, семья, конечно... У меня Вера с Катюхой, у нее, у Оли тоже – муж, дети...

Ее, наверное, уже похоронили – я не знаю... Помню только имя в списке на стене... там было много других имен, вроде что-то такое про детей, люди, люди, слезы... Я почему-то хотел позвонить ей домой, но не смог вспомнить телефон, а когда вспомнил, было уже не нужно, уже поздно... Уже поздно...

Наверное и для них так лучше... Ведь никто ничего не знал – о нас. Никто и ничего... А как я мог поехать на похороны? Невозможно похоронить – себя. Она же – во мне, живая... Ее глаза, улыбка, манера говорить и морщить нос... Ее смех... А что еще-то с высоты десять километров...

...Я вернулся на третий день, как и собирался. Обнял Веру. Невозможно смотреть в глаза... Душ...

– Нет, спасибо, не хочу. В самолете кормили, лучше посплю пойду... устал что-то, болтало...

Ближе к вечеру встал разбитый, все время Олино лицо перед глазами, копна ее каштановых волос. Она говорила, что у нее очень редкий цвет от природы – тициановский. Гордилась... Я потом специально нашел в сети его картины, действительно – похоже...

Наконец, мельком посмотрел на жену, осунулась, лицо бледное, мешки под глазами... Какая-то вся поникшая. Неужели, из-за... Нет, не может быть, никто же не знал, никто...

За ужином она сказала, что у нее рак. Анализы, подозрения, биопсия – подтвердилось... Два дня назад пришел ответ... Не говорила, ну, не хотела раньше времени, думала – обойдется... У нее с детства так – начинает о чем-то говорить вслух, и это превращается в реальность. Потому и молчала... Надеялась. Говорят, нужно срочно химиотерапию. «Лысая останусь – разлюбишь...»

Беспомощность и боль в глазах – прямо как у ребенка. «Папа, сделай что-нибудь, ну, пожалуйста»... Неужели и правда – есть бог на свете, а? Хочу, чтобы был. Пусть хотя бы он знает – за что. Потому, что иначе выходит, что – просто так... Вот, просто так – Оля, ее семья... Вера, я, Катюха... И все остальные фамилии из того списка на стене... И дети – тоже. И их дети... И...

...Верины голова на моей руке. Дышит вроде ровно, может, спит. Я только что сделал все, чтоб она уснула и спала как можно дольше. Все, что мог... Не могу больше следить за лицом, за движениями, за Верой... Необходимо побыть самим собой – хоть на минуту, расслабить нервы, расслабить мышцы, расслабить сердце. Почему его всегда рисуют в середине груди, если болит все время – слева. И если не сердце, то – что? Душа? Что же, может быть. Наверное...

Осторожно вытаскиваю правую руку, встаю, только бы не разбудить... Иду в кухню, ищу Верины сигареты. Сам давно бросил, лет десять уже, а она до сих пор. Сколько ругался с ней из-за этого... Теперь уж точно бросит...

И ведь никому не расскажешь, никому... Да и поздно уже – второй час ночи. Только Андрею, пожалуй... Удивится... Нет. Ну, тогда хотя бы самому себе, что ли... Только тихо, Веру не разбудить... Может, хоть так отпустит. Ну, хоть немного...

...Нет, кажется, не разбудил... Только повернулась на другой бок, и дыхание не такое ровное... Спи... Я вернулся, все будет хорошо... Я обещаю, слышишь... Снова, как раньше – вместе и навсегда, слышишь...

...Господи.... Оленька, Оля, откуда ты... как ты... ты здесь, милая моя... Неужели все-таки он есть?!!! Есть бог на свете!.. Есть бог на свете... Есть Бог...

Часть третья – Вера

Конечно, я обо всем знала.

И про письма, и про любовь, и про эту их встречу. Научилась пользоваться компьютером, открывала почту и – читала.

Читала все.

Почернела от горя.

А сказать ничего не могла.

Я понимала – скажу, что следила за ним – не простит. Потом нашли опухоль, сделали биопсию, и я решила – пусть едет.

Если есть бог на свете, он не допустит, чтобы столько горя – и одному человеку. Мне...

Ну встретятся один раз – все равно он ко мне вернется, со мной ему хорошо, я же знаю, я чувствую...

И он знает.

А потом передали про катастрофу...

Глеб вернулся через пару дней.

И я рассказала про свою болезнь.

Он пожалел меня и обнял, и любил.

Только... что хотят эти люди?

Почему они говорят, что Глеб умер?

Какие глупые, глупые, глупые люди.

Уйдите все из нашего дома.

Мы хотим побыть вдвоем.

Впервые за долгий год.

Ведь теперь, наконец, все кончено.

Он мой навсегда.

Каждый из нас заплатил свою цену.

И он, и она, и я.

А значит – Бог есть.

Глеб...

Ты с лышишь меня, Глеб?

Есть Бог на свете!..

Звонок

Она

Она суежилась вокруг него так, как суеются нелюбимые жены.
– Милый, водички хочешь?
Погоди, не вставай, не вставай, только голову приподними – вот стакан, пей.
Одеяло подоткнуть?
Ну скажи, подоткнуть?
Ох, ну что я за дура-то...
Я все время забываю, что ты не можешь говорить.
Пока не можешь говорить.
Но обязательно заговоришь – так доктор сказал.
Вернее он сказал – «надежда есть»
Есть надежда, слышишь, всегда есть надежда.
И заговоришь, и рукой-ногой снова двигать начнешь.
Вот я и надеюсь.
Сашенька, ну что ты морщишься?
Где болит?
А знаешь что, давай я тебе карандаш и блокнот организую, будем переписываться.
Как раньше, помнишь, я один раз в санаторий уехала, а ты мне письма писал.
Каждый день...
Я чуть с ума от счастья не сошла.
Мы тогда уже лет десять были женаты, а все как новобрачные – скучали, перезванивались, письма те...
Ну вот я дура – заболтала тебя. Сашенька, не хмурься, ну скажи, скажи, где больно-то?
Господи, а давай я спрашивать буду, а ты – если это место болит – глаза закроешь.
Хорошо?
Ну закрой глаза, если ты согласен.
Вот – видишь, видишь, какая я у тебя сообразительная.
А ты ведь никогда мне не говорил, что я сообразительная. Ты меня особо не хвалил никогда.
Зато я знала всегда, какой ты у меня умный.
Знаешь, как гордилась, перед подругами воображала, что ты историк – в университете преподаешь, даже книжку написал.
А помнить – книжка твоя, как только вышла, мы с тобой пошли в ресторан отмечать это дело, и ты напился в первый раз.
Напился, как цуцик.
И стал ко мне прямо в ресторане приставать. Зацеловал всю, я уж и не знала, смеяться или сердиться.
Да я и не сердилась на тебя никогда по-настоящему.
Я ведь, знаешь ли, я ведь тебе за всю жизнь ни разу не изменила.
Ну да, я знаю, что уже не первой молодости, хоть и младше тебя, неважно, пусть младше, ну и что – что намного, а раньше-то, раньше – ты же не забыл, какая я красавица была?
Недаром ты на меня запал – и женился через неделю, как познакомились.
Да и работала в таком месте – кого только не перевидала, каких только историй не услышала.

Лучший косметический салон в городе – богатые и модные клиенты и клиентки, а уж сколько соблазнов...

Но вот честно тебе скажу – мне кроме тебя никто и не нужен был.

Да, никто – вот так.

Мне и сейчас никто не нужен.

Мне нужен только мой Сашенька.

Жаль только, что ты неразговорчивый такой.

Всегда был неразговорчивый.

А в последнее время и вообще больше молчишь. Вот ведь у нас редко когда выдавалось в последнее время по душам поговорить.

Я у телевизора по вечерам, ты за книгами, да за компьютером.

И то сказать – за тридцать лет – обо всем, считай, уже поговорили.

Поэтому, когда в прошлую субботу ты меня усадил в столовой и сказал каким-то странным, чужим голосом, что хочешь со мной поговорить – я не то, что удивилась...

А почему-то испугалась.

Хотя, кажется, чего мне пугаться-то?

Детей у нас нет, с работы меня не выгоняют, ты давно на пенсии, со здоровьем все в порядке. Было в порядке... Да... Вот вроде пугаться нечего, а вдруг испугалась.

Сердце куда-то вниз – раз – и ухнуло.

И после – поверишь – ничего и не помню.

Ни о чем говорили, ни что было потом.

Помню только – ты стоишь, рот открываешь, а слов нет. Потом упал, а я скорую вызвала.

И вот мы здесь.

Мы здесь уже десять дней. Инсульт.

Завтра тебя отправят на реабилитацию.

Вместе поедem, а там дай бог и домой на своих двоих вернемся, правда?

Ох, ну что же это я – заболталась совсем.

Миленький, так что ты хотел-то?

Ну не стони, не стони.

Не стони, все будет хорошо.

Я тут, я рядом.

Вот водичка. Не хочешь, голову отворачиваешь.

Ну, давай, доктора позову?

Нет – головой мотаешь.

А может, в туалет?

Тоже нет.

Куда ты смотришь?

Карандаш дать?

Напишешь мне, да?

Ну давай попробуем, левая-то рука у тебя еще работает.

Ну вот, я держу блокнот.

По... По... Позвони...?

Кому, милый?

Брат твой знает, он и друзей твоих обзвонил – вон Галька с Генкой – только вчера тебя навещали.

Некому больше звонить-то.

Давай сюда карандаш, давай.

Вот так.

Устал ты милый – поспи.

Поспи.

А я пойду доктора найду – спрошу, как наши дела сегодня.

Он

– Как же я устал от ее голоса...

Как я устал от нее.

Тридцать лет уже, боже мой...

Нет, ну не с самого начала. Сначала было очень даже... Почему в жизни так бывает? Н-да, глупый вопрос. Да и ответ тоже – глупый. А может и нет его вовсе. А просто – так и все.

Позвони же Ане, ну...

Пожалуйста...

Ты же знаешь про Аню. Я же тебе все рассказал тогда, помнишь? Ну, перед...

Когда это было-то... В субботу. По-моему, в субботу. Не помню ни хрена.

А сегодня какой день? Она же волнуется. Она же не знает ничего, совсем ничего, что со мной...

Вот ситуация, а? Просить жену позвонить любовнице... Хм... Любовнице? Какая ж она, нафиг, любовница-то? Жена она, как ни крути. Жена и все. Так что у тебя, Санька, две жены теперь.

А что, так и выходит... Год уже. Неужели – уже год? И не поверит никто, если рассказать. Да кому расскажешь? Рассказал уже один раз – хватит.

Может, сестру попросить? А, черт, забываю все время, как попросить-то? Она же все время рядом. И вообще, как? Ведь ни говорить, ничего. Даже отлить – и то помощь нужна. Две жены... Двух сиделок тебе надо, вот что.

А как же все-таки хорошо было. Думал, вот моя последняя женщина, последняя любовь. А может, и первая – за всю жизнь. Настоящая. Ну, когда молодой был, тут – понятно... Страсть, влечение, желание. Все, как первый раз. Потом постарше стал, поопытнее, выбирать начал, искать свое. Кто знает, какое это – свое? Кто скажет? Никто... А вот чувствуешь что-такое... Фигня все это. Ничему мы не учимся, как были пацанами глупыми, так и остались. Просто все, на самом деле. Ты или встретишь ее – свою единственную – или нет. Встретишь – больше никто тебе не нужен, и ты даже не понимаешь, что выпал тебе счастливый билет, один на миллион. Просто живешь...

Н-да... Анна... Анна... Анечка... моя... Имя одно... Считается – седина в бороде – бес в ребро. Чушь... Никакой не бес. Да и не ходок я уже давно, честно-то. Ведь только-только начинаешь понимать, что к чему, что главное, уже и пенсия, и...

Пожалуй, и лучше, что она ничего не знает. Ведь как ни крути, прежним я уже не буду, дай бог хоть как-то... да-да, именно – дожить... Так что ж, вешать это на нее после того что было? Она меня другим запомнить должна. Да и потом, захочет ли, сможет ли, готова ли – на все на это? В том-то и дело, что уравнение это со многими неизвестными.

Нет, но сообщить как-то, дать знать. Чтoб не подумала – пропал, исчез. Ах, как же она смотрела на меня! Как смотрела! Ее глаза в полумраке спальни... Ее тело... Ее тяжесть на мне... Ее...

Все! Еще прослезиться не хватало! Стоп, стоп...

Лучше про разговоры наши вспоминать, про наши беседы... Ни разу, ни одного мгновения неловкости, ни одного мгновения непонимания, да не просто непонимания – неугады-

вания. Ведь угадывали друг друга, как будто жизнь прожили. С полулета. Случайно такое не получается – только, если думаешь так же. Чувствуешь так же. Вот и все.

Нет, надо дать ей знать... как-то надо... Что там? Дверь открылась, ее шаги. Хорошо хоть, слух остался...

Она

– Ну вот милый, с доктором я поговорила, он опять мне про надежду сказал.

Есть, говорит, надежда.

Вот я и надеюсь.

И никогда не перестану надеяться – ты понял?

Я хочу, чтобы ты понял – никогда не перестану.

Еще он про таблетки говорил.

Что надо принимать таблетки.

Аспирин.

Тогда, может, и заговоришь. Только я вот знаешь, что подумала...

Я, конечно, не медик.

И сообразительной никогда не была.

Как ты – такой не была.

Но я твоя жена.

И я за тебя в ответе.

Поэтому я тут подумала...

А зачем нам таблетки?

Ну что нам – без таблеток что ли не справиться?

От таблеток этих только вред один.

На пенсию я уже заработала.

Брошу работу – буду с тобой дома.

Ухаживать буду за тобой – лучше, чем мамка за ребятенком ухаживает.

По вечерам будем гулять.

Перед сном – на диване сядем, обнимемся, телевизор посмотрим.

А говорить...

Если не начнешь снова говорить – не страшно.

Что ж говорить, мы и раньше мало говорили.

А про то, что ты в ту субботу хотел мне сказать – так какая мне разница?

Ну какая разница – если всегда есть надежда...

А? Как ты думаешь, милый?

Звонок

...Через три недели они вернулись домой.

Двигательные функции восстановились почти полностью. Он мог ходить – чуть прихрамывая, чуть подволакивая ногу.

Правая рука уже не висела как плеть – он даже мог сам держать ложку, мог сам кушать.

И только речь так и не вернулась.

Нечленораздельное мычание и слезы на глазах после – вот и все разговоры.

Она бросила работу, целыми днями ухаживала за ним, готовила, убирала, стирала белье, бегала по магазинам.

Когда она уходила, он садился напротив телефона, глядел на него неотрывно и шевелил губами.

Месяцев через восемь, ранней весной, в тот день был страшный гололед, она возвращалась из булочной, торопилась, потому что не любила оставлять Сашеньку одного, по сторонам не глядела.

Когда грузовик оказался слишком близко, чтобы увернуться – только успела охнуть, даже про Сашу подумать как следует не успела, одна мысль мелькнула, да и то последняя, вот и оборвалась посередине:

– Он же один там... Позвонить...

Неотвратимость

Рейс 4417, Москва – Новосибирск

Рейс подходил к концу. Они уже снизились до высоты круга, скорость упала, погода была ясная, безоблачная, летняя. Новосибирск принимал и выпускал борты без задержек, и экипаж твердо рассчитывал к вечеру вернуться в Москву. Два пилота и шесть человек персонала.

42 часа до вылета – капитан

– Да не знаю я, не видел – он опустился на траву и откинулся назад – руки и ноги еще дрожали от напряжения. – Не видел и все... откуда я знаю, как она свалилась в воду! Я вообще случайно ее заметил. Я на поплавок смотрел, а не на... тонущих беременных женщин... Что она беременная, я тоже, как вы понимаете, не видел. И вообще, старший лейтенант, лучше б дал ты мне сигарету, чем вопросы задавать... Видишь, у человека еще руки-ноги трясутся, три раза нырять пришлось, ее уже почти под корягу затянуло, хорошо – платьем зацепилась... А то бы – точно с концами. Она хоть в сознание пришла? Если родит, и все в порядке, свечку пусть за меня поставит. Ну и еще кое-что не мешало бы... Вот, другое дело – он вытащил из протянутой ему пачки сигарету, закурил от поднесенной зажигалки, затянулся и закашлялся. И тут же, вдруг поморщившись, впился пальцами другой руки в бедро. – А, чччерт... Опять ногу свело... Хорошо хоть на этот раз на берегу, а не там, а то, если б не отпустило, и я бы там остался с ней вместе... В эту самую секунду, в голубой жилке, под кожей коленного сгиба его одеревеневшей от напряжения левой ноги, оторвался тромб. Крохотная красная бляшка, словно задумавшись, зависла на мгновение в потоке венозной крови и...

Голоса

- 4417, доложите тип захода. Толмачево-круг.
- Толмачево-круг, заход директорный. 4417.
- 4417, заход на двадцать пятую разрешаю, снижайтесь к четвертому четыреста, связь с посадкой... Толмачево-круг.
- Заход разрешили, к четвертому четыреста метров, связь с посадкой... 4417.
- И почему она это сделала... Ведь столько лет, не доходит. Ну не доходит и все...
- А откуда – куда? Сразу в офис, или сначала...
- Я так устала, так устала с ним. И ведь ничего не говорит, молчит, только следит за мной глазами, и как же это тяжело, и когда же это кончится. А с другой стороны – если кончится – как я жить-то буду...
- Бабуля, мы уже совсем низко летим, уже все-все видно...

1 час 35 минут до вылета – капитан

- Так-так... – доктор взял его запястье и нащупал пульс.
- А вы частите, дорогой мой... Да, частите. Точно не употребляли? Н-да... С таким пульсом... Даже не знаю. Кофе черный пили? Раньше тахикардию замечали? Ну, учащенное сердцебиение – замечали? Нет? И ни болей в груди, ни одышки – ничего такого?

...– Давайте так тогда... С таким пульсом я вас допустить не могу. Единственно, что могу предложить – попытаться еще раз, мало ли что может быть. Человеческий организм, он, знаете ли, штука непростая, даже очень. Пропустим сначала остальной экипаж, а потом снова вы – последним, простите – крайним. Знаю, не любят летчики это слово. В общем, еще минут двадцать-тридцать у вас есть.

Постарайтесь успокоиться, настройтесь, и попробуем еще раз. Идет? Я практически уверен – все будет нормально...

Голоса

– 4417, посадку на двадцать пятую разрешаю. Ветер двести семьдесят, четыре метра.
– Толмачево-посадка, посадку разрешили, вошел в глиссаду, шасси выпущены, к посадке готов. 4417.

– Женечка, сиди смирно. Прилетели, прилетели...

– Ой, Тань, я так по нему соскучилась, ты не представляешь...

– Конечно купит... Он же тебе обещал, он же наш папа...

– 4417, удаление пять, на курсе, на глиссаде. Продолжайте снижение...

– Автопилот отключен. Взял управление...

Вот и осталось всего 20 секунд, потому, что трюб уже почти вошел в левое легкое...

– Оценка!

Еще несколько секунд – и...

– Решение!

– Садимся...

– Торец. Высота пятнадцать... десять... Командир, куда-а-а-а!!!

Из отчета МАК (Межгосударственный Авиационный Комитет):

...Ф.И.О. – ... должность: КВ С (капитан воздушного судна), образование: Качинское высшее военное училище летчиков – 199... г., Московский авиационный институт – 200... г. Налет: 10083 час. 26 мин., (в день авиационного происшествия Зч. 44 мин.). На данном типе ВС – 7465 часов, в должности КВС – 4018 часов.

...В результате АП из 132 находившихся на борту пассажиров и членов экипажа:

Со смертельным исходом – 132 чел.

Серьезные – 0.

Незначительные/отсутствуют – 0

...Следов алкогольных и наркотических веществ в крови членов экипажа не обнаружено.

...По неустановленной причине, при заходе на посадку, воздушное судно, находясь на высоте 10 метров над ВПП/ RWY25, А/П Толмачево (Новосибирск), в посадочной конфигурации, получило резкий левый крен, приведший к контакту консоли левого крыла с земной поверхностью, последующему разрушению ВС и пожару.

...Воздушное судно находилось в исправном техническом состоянии, не препятствующем производству полетов.

...В момент столкновения с землей, управление ВС осуществлялось слева (КВС), контроль – справа (2-й пилот).

...Техническое состояние регистраторов бортовой информации (черных ящиков) позволило снятие и расшифровку технических параметров работы основных систем ВС. Расшифровка и идентификация аудиозаписи голосов членов экипажа в период, непосредственно предшествующий столкновению ВС с землей, невозможна из-за плохого технического состояния регистратора № 2, вследствие ударно-температурного воздействия в момент взрыва и пожара ВС.

...Причины АП и возможные виновники расследованием не установлены.

Председатель комиссии:.....подпись

Члены комиссии:.....подписи

Голоса

– Валер, ну Валер, ну как это может быть, что имя не записали? Да бардак там у них в отделении, и все... Что значит – ушел, он же показания милиции давал, мне говорили... Куда уходил? По радио вызвали, отошел к машине? А тот и уехал, значит... Слушай, жалко-то как. Я ж за него свечку хотела поставить, а сама даже имени не знаю... Ну, не знаю зачем свечку... Так положено вроде. Чтобы ничего худого с ним не случилось, наверное. Чтоб все по справедливости бог рассудил. Он – добро, и ему – добро... Что делать-то, а? Ну, может объявится еще... Слушай, не забудь после работы зайти памперсы купить, ладно? Ну пока, давай...

Вот и все...

Рыжий и его женщина

Доктор умирал.

Тина сидела рядом с кроватью, смотрела на его ввалившиеся желтые щеки и плакала молча – глотала слезы, не всхлипывала, только скручивала носовой платок в тутой-тутой жгут, теребила, покусывала.

Доктора здесь знали все.

Это сейчас он лежал в отдельной палате, а до этого ходил по коридорам и бегал по лестницам этой самой больницы почти ровно двадцать два года. И вот, оказался здесь.

Так случилось, что лечить людей было смыслом его жизни.

Нет, конечно – была Тина, были девочки. И даже собака – большой, лохматый черный терьер.

Семья и дом – это важно.

Но главным для него всегда была работа – до того момента, когда неделю назад он оказался в этой палате.

Доктор был рыжим – раньше рыжим – а последние годы – почти седым.

Но он оставался рыжим внутри – вспыльчивым, резким, самонадеянным.

Больные его боготворили, студенты побаивались, коллеги уважали, но посмеивались за спиной – уж больно рыжим был его характер.

Но, но, но...

Он, как никто другой, умел, положив руку на лоб больного и выслушав сбивчивый отчет ординатора, выудить из шелухи медицинских терминов главное и поставить единственно верный диагноз.

Он, как никто другой, умел разругаться со всем миром, чтобы спасти жизнь человеку, который никогда и не догадывался – каких усилий стоило доктору доказать правильность неординарного лечения, договориться о внеплановой операции, настоять на своей правоте.

Тина никогда не работала, была умна, свежа и ухожена. Тина была – баловень любви.

Способна ли она сама на это древнее чувство, оставалось неясным – уж больно холодным и надменным становился ее взгляд, если кому-нибудь удавалось остановить его на себе.

А сейчас она сидела, бессильно склонив голову – ждала, когда Доктор очнется.

Скрипнула кровать, Тина подняла голову и увидела его уставшие от боли глаза.

– Я хочу тебе кое в чем признаться, – сказал он. – Хочу покаяться.

– Что? – спросила она. – В чем? О чем ты говоришь?

Пересохшие губы растянулись в виноватую улыбку.

– Как странно, – сказал он, – Ты уже целых двадцать пять лет моя жена...

– Что же в этом странного?

– Как движется время. Вроде бы стоит на месте, а потом вдруг оказывается, все позади...

Ты знаешь, я в молодости мечтал прыгнуть с парашютом. Жаль, что так и не удалось. Сначала думал – вот завтра, завтра, потом – следующим летом, а потом...

– О чем ты говоришь, Лазарь – Тина потеряла ладонью висок, – Я не понимаю, я не понимаю.

– Тина, милая, просто я вдруг понял, что жизнь похожа на прыжок с парашютом, но с одной разницей. Нет парашюта... Сначала – голубое небо, белые облака, сквозь них видна земля, где-то далеко внизу, в дымке, и – не приближается, ты летишь, ветер в лицо, и мир – твой и вечен. Потом ты влетаешь в тучи, тебя поливает дождем, бьет градом, швыряет воздушными потоками, но когда, преодолев все, ты, наконец, вырываешься на свободу, к солнцу,

к ветру в лицо, и снова все, как раньше – лети, оказывается, что земля уже вот она – рядом и со страшной скоростью несется тебе навстречу. Ты пытаешься нащупать вытяжное кольцо, а его – нет. Потому, что нет – парашюта. И единственное, что остается, попытаться, хотя бы в последние секунды, понять смысл всей этой затеи... – Он перевел дыхание. – Зачем я тебе это говорю, Тина?

– Я... я не знаю, я не понимаю, Лазарь...

– Видишь ли, дорогая, единственное, что пока удалось понять мне – я больше не хочу тебе лгать. Не сейчас. Не перед смертью. Не спорь – он покачал головой. – Мы оба это знаем – и ты, и я. Я же врач, я хороший врач, Тина. Мне осталось жить часы или дни – это неважно, неважно... Я не знаю, доживу ли до завтрашнего утра. Я не знаю, увижу ли я тебя еще раз, Тина. И я хочу покаяться. Ты готова выслушать меня, скажи?

– Да, Лазарь, да, милый, только подумай, может, все же завтра? Ведь и ты иногда ошибаешься, я знаю... Может...

– Тина, ты забыла? Я рыжий, Тина. Я ведь рыжий, я таким родился, рыжим, упрямым, несговорчивым... Мне уже трудно говорить, поэтому, пожалуйста, дай мне сказать... Ладно?

Она кивнула – молча. Только руки ее замерли, застыли в воздухе, словно он вдруг сгустился вокруг них, не давая шевельнуться.

Он вздохнул, умолк на секунду и сказал:

– Тина, милая, я не был тебе верен, только и всего. Слышишь?

Она сидела по-прежнему не двигаясь, только лицо вдруг осунулось и посерело. И потухли глаза.

– Это началось уже давно. Ну, правда, несколько первых лет... А потом – понимаешь, молоденькие женщины вокруг, ночные дежурства... Ничего оригинального – как у всех, или почти у всех... Я старался делать это по-умному, я не хотел и не собирался разрушать семью, это всегда было – ну... просто так... просто так... Любил я только тебя – всегда... Ну, вот... – он откинулся на подушку и перевел дыхание.

– Я понимаю, ты меня не простишь, ты не сможешь, ты гордая. Тем более что я знаю, я уверен – ты любила. И была верна... Но меня не слишком долго будет мучить совесть, или будет мучить вечно. Скоро я узнаю... Я прошу тебя – только не говори девочкам, ладно? Я виноват перед тобой, но я прошу – не делай этого. Не говори им, не надо. Пусть это умрет между нами. Ты обещаешь?

Она кивнула.

– Ну, вот... А теперь, Тина, иди, слышишь. Дай мне только последний раз увидеть... тебя. Поцелуй наших девочек от меня, хорошо? И – иди, теперь – иди. И больше не приходи сюда, не надо. Тебе сообщат, когда это произойдет. – Он замолчал, и тело его заметно расслабилось.

Она несколько секунд продолжала сидеть, потом поднялась и вышла из палаты.

...Когда появился доктор Милош, он дремал. Или делал вид, что дремлет – он всегда был непредсказуем. И открыл глаза не сразу, и не открыл, собственно, а приоткрыл – чуть-чуть, чтобы было понятно – он не спит.

– Привет, Милош, – негромко сказал он.

– Здравствуй, Лазарь, здравствуй, Доктор, – доктор Милош уселся на стул, с которого несколько минут назад поднялась Тина.

– Ну, как наши дела?

Глаза Доктора приоткрылись чуть шире.

– А ты будто не знаешь... Не задавай дурацких вопросов, мне, во всяком случае. Не забывай, я пока еще тоже – врач. Хотя и твой пациент. Впрочем, пожалуй, уже нет. Точно – нет. – он сделал попытку улыбнуться, у него не получилось.

– Сегодня вечером я перейду в другую клинику... Туда. – он поднял глаза к потолку. – Скорей бы уже, что ли...

– Не смей так говорить! Именно потому, что ты – врач. К тому же, не просто врач, ты – Доктор. Я у тебя учился, мы все учились у тебя, Лазарь, не смей даже думать!

– Я не думаю, я – знаю. Послушай, зачем нам играть друг с другом? Ты знаешь, как мне больно. Ты знаешь, что эта боль никуда не уйдет, она станет лишь сильнее и мучительнее, Милош. Ты хочешь, чтобы я продолжал мучиться? Это твоя плата за все то, что я тебе дал? Послушай, мы оба знаем, чем ты мне обязан, правда? Сегодня ты вернешь мне долг, и счет будет закрыт. И это правильно. Я сознаю, что я делаю, и не надо говорить со мной, как с ребенком... – он сделал паузу и несколько раз глубоко вздохнул.

– Я уже простился с Тиной. Значит – пора...

– Что значит – простился? Я встретил ее сейчас внизу, она меня даже не заметила, на ней просто лица не было... Что ты ей тут наговорил? И что – пора?

– Видишь ли, друг мой, мужчины между собой обычно об этом не говорят. Но сейчас – и мне – можно. Тина – моя женщина, понимаешь? Не просто моя жена, мать моих девочек – моя женщина. Я любил и люблю ее всю жизнь, сколько знаю. И она – меня. Мы – друг друга. Так не бывает – да, но с нами это случилось. И я не могу оставить ее просто так. Так – это значит обречь ее на муки, которые превратят ее жизнь без меня – в пытку. Я не могу себе этого позволить. Я всегда старался оставаться мужчиной – в любой ситуации и сейчас – тоже. Поэтому я сделал так, чтоб она меня возненавидела. Я сказал ей сейчас, что всю жизнь изменял ей с разными женщинами, понимаешь... Солгал ей. Ей тяжело, я знаю, но это поможет ей жить дальше. Того, кого мы ненавидим, похоронить – проще, согласись. Я хочу, чтобы ей было проще. Легко не будет, проще – да... Потому, что она очень гордая... Знаешь, какая в ней кровь? Впрочем, это сейчас неважно. Я рассказал это тебе, чтобы ты понял – пути назад у меня нет. Потому, что я не смогу с этим жить, значит, мне нужно умереть... Мне правда пора, Милош, это не шутка...

– Ну и натворил ты дел, Доктор... Что ж делать-то теперь, а? Что делать, скажи...

– Да особо ничего делать и не придется. Просто сегодня вечером ты введешь мне не обычную обезболивающую дозу морфия, а двойную – и все. Я засну и не проснусь. А утром ты позвонишь ей и скажешь. Она знает. Она ждет. Вот только не рассказывай мне, что это преступление, что ты не знаешь, что морфия на учете – не рассказывай. Мы оба знаем – как, потому что работаем в больнице всю жизнь. Это все. Ты понял? А теперь иди, мне надо побыть одному. И – спасибо, Милош, я не зря всегда полагался на тебя, почти как на себя...

Тина подошла к машине, припаркованной на больничной стоянке. Уселась справа. Закурила. На водительском сиденье сидел высокий, моложавый мужчина. Он слегка повернулся к ней и внешней стороной ладони провел по ее щеке.

– Ты выглядишь измученной, дорогая... Что там? Хочешь рассказать мне?

– Подожди, – она мотнула головой, – У тебя есть выпить?

Она взяла у него из рук маленькую фляжку и сделала глоток. Поморщилась.

– Ненавижу этот сорт виски, черт... Думаю, он умрет сегодня ночью...

– Почему ты так решила?

Она усмехнулась.

– Я знаю своего мужа. Я знала, чувствовала, что он должен это сделать перед самым концом, и он – сделал.

– Что?

Она помолчала немного, сделала еще глоток из фляги и сказала:

– Он признался, что изменял мне всю свою жизнь... Что делал это просто так. Просто так... Что кается...

– А ты? Что?

– Я? Сделала вид, что поверила, как же иначе. Ведь он уверен, что теперь мне будет проще пережить его смерть.

– А это не так?

Она взглянула на него и отвернулась.

– Вы все – идиоты! Господи, какие же вы все идиоты! Ни один из вас, даже самые лучшие из вас не смогут понять, что это такое, когда женщина – любит. Я люблю его, понимаешь ты! Только его – одного. Все вы, все, кто был у меня, все, с кем была я – не стойте его седого волоса. Даже внешне – вы все похожи на него, ясно тебе! Все, как один...

– Тина, успокойся...

– Заткнись! Ты слышишь, он умрет сегодня ночью! Без меня! Я не услышу, не приму его последний вдох, последнюю секунду его жизни... Сам того не понимая, он лишил меня последнего утешения – быть с ним рядом – сейчас... Он – единственный, кого я любила и люблю, и он не смог понять до конца, что для женщины любовь – не радость, а – страдание... И я вынуждена принять это, только чтобы облегчить ему – смерть. Он отнял у меня последнее, что я могла ему дать. Что у меня еще оставалось. Даже это... ты понял? Все кончается! Все! Всему рано или поздно приходит конец... и только она остается – одинокая, несчастная, никому не нужная – любовь...

Она заплакала...

Назавтра, в восемь утра, ей позвонили из больницы. Она была готова.

Она была – в черном...

Кувшин

Это – вымысел.

В то время, о котором речь, этого просто не могло случиться, а будущее еще не настало. Этого не было.

Но это – правда...

1. Когда тебе восемнадцать

– Говори, я так люблю тебя слушать, я всегда улетаю от твоего голоса, от твоих слов...

Ну, говори, я услышу...

Восемнадцать мне было очень долго.

Лет, пожалуй, до сорока.

А в сорок я влюбилась.

Так кончилась моя молодость.

Восемнадцать – это когда лежишь на траве, раскинув руки, вдыхаешь в себя небо и думаешь о былинке, которая щекочет тебе сгиб локтя.

И пусть по ней ползет детеныш божьей коровки.

– Или пчела...

А ящерицы отбрасывают серебряные хвосты.

И нет такого слова – завтра.

Потому что сегодня длится вечно.

В этом долгом солнечном сегодня происходили счастливые и грустные события, защищались дипломы, игрались свадьбы, рождались дети, появлялись, исчезали и уходили друзья...

А травинка оставалась. И запах – летний, густой, пряный – был всегда со мной.

И вдруг я поняла, что повзрослела.

Лет в сорок... Пожалуй. И никто не виноват.

– Конечно, никто. А кого винить – бога, судьбу, самих себя? Никто не виноват...

Человек, которого я полюбила, был гораздо старше меня. Банальная история. Эпистолярный роман.

– Красиво звучит.

Вернее, он начинался, как эпистолярный, а в какие дебри он нас завел и какое сумасшествие заставил испытать...

Я писала магистрат по античной литературе, собирала материалы по разным библиотекам мира, побывала в Греции, успешно защитилась, но от античности так и не смогла уйти – увлеклась не на шутку, и в какой-то момент времени поняла, что не смогу уже без этого жить.

Чтобы как-то упорядочить накопленные знания и оглядеться в поисках будущих перспектив, я решила и, наконец, завела собственный сайт. Сайт античной литературы. Началось практически круглосуточное общение в сети с такими же фанатиками, кофе за полночь и долгие взаимоприятные разговоры ни о чем.

Вот именно в такие моменты оправданного безделья и увлечения собой и своей исключительностью и подкарауливает нас дедушка Фрейд – и я не оказалась исключением.

Его звали Дан (сокращенно от Даниил), и был он чертовски умен.

Архитектор, занимавшийся в то время книгой об ионическом ордере.

Из недостатков – возраст (старше меня почти на шестнадцать лет) и проживание в западном полушарии. Тогда как я проживала в восточном, была счастлива в семейной жизни и имела достаточно оснований совершать исключительно благоразумные поступки.

Потому как неблагоразумные совершала крайне редко, познав еще в самом начале своей супружеской жизни одну непреложную истину – хорошо там, где нас нет, но дома все равно лучше.

За шесть месяцев ежедневного общения – сначала письма, потом телефонные разговоры, я поняла, что он – моя полная противоположность и, в то же время, моя потерянная еще внутренне – половина души.

Банальность... Ах, как я боялась банальности. Как я бежала от нее.

Бежала и падала в объятия надвигающейся беды по имени платоническая любовь.

Не надо быть Платоном, чтобы понять, что у платонической любви итог один – и тот далеко не платонический.

Наши встречи начались через полгода и продолжались шесть с половиной лет.

– ... Н-да... Ты по-прежнему – торопыга... Моя торопыга... Ну, не совсем... Шесть лет и шестьдесят один день.

Раз в год. Где-нибудь в мире, ставшем маленьким, каждый раз в другом городе, другой стране. Только время года почти не менялось – поздняя весна, либо – ранняя осень...

– Конечно, ты была – весна, я – осень... А пару раз мы встречались дважды в год – помнишь?

Встретившись впервые, мы сразу поняли, что продолжать жить в разных полушариях смерти подобно. И – продолжали жить.

У него была куча недостатков.

И как же я его любила – и за каждый в отдельности, и за все вместе...

– Да, я знаю... я помню...

Он же – наоборот – любил мой идеал – даже называл меня Тала – от Галатея...

Он жил на берегу океана со своей семьей. Двое детей – мальчик и девочка, и женщина с большими серыми глазами. Я видела эту фотографию у него в портмоне.

И любил меня...

– И любил – тебя...

Когда порвалась цепочка, и с моей шеи упал медальон, он попросил показать – что внутри.

– Наша мужская толстокожесть... Я причинил тебе боль...

Там была фотография моего мужа и дочери. Я поцеловала их и положила медальон на прикроватную тумбочку.

Ну и кто мы после этого?

– *Как – кто? Мужчина и женщина. Всего-навсего. Мужчина – и – женщина... А кто же еще?*

Когда человек тонет, в определенный момент времени он перестает сопротивляться.

И тогда идет ко дну.

После нашей встречи я перестала сопротивляться.

А дна все не было.

Была ежесекундная тоска по несбыточному.

И горячее – прямо под ребрами – счастье.

Я переполнилась своей любовью – как кувшин.

И любовь стала переливаться через край:

Мы любили друг друга так самозабвенно и горячо, так бескорыстно...

Что со временем начали меняться.

Это был удивительно, упоительно и странно...

– *Это было – необыкновенно...*

Привычки, словечки, мысли, интонации – мы обменивались друг с другом – собой, чтобы слиться еще плотнее, еще больше, еще беспощаднее.

– *Какой же сладкой была эта боль...*

Пожалуй, это было два кувшина, тяжелых, теплых, переполненных божественной влагой, в самый важный момент времени не вынесших собственного счастья и опрокинувшихся, и перелившихся через край.

Воды смешались, и уже стало не отличить Адама от его ребра, ласточки от гнезда, солнца от моря.

Я стала им, а мой любимый стал мной.

Мы стали – одно.

Срослись, как сиамские близнецы.

Исчезли его недостатки и разница в возрасте. Привычка и раздражение обыденным нам не грозили, и – так получилось – что победила любовь.

– *Ей повезло – мы встретились...*

2. Когда погаснут огни

Время, если и не лечит, то, по крайней мере, расставляет все по своим местам.

Прошло двадцать лет счастья.

Дан умер.

Потом еще двадцать лет безмолвия.

Говорить было не с кем и не о чем.

Вы спрашиваете – жили ли мы вместе?

Нет.

И даже не виделись больше никогда.

А разве это что-то меняет?

Сейчас я живу в доме для престарелых и молчу, глядя в окно.
Мне снова восемнадцать. Особенно летом.
Особенно в предзакатные часы.
Вот только бессонница...
С темнотой приходят ветер и беспокойство.
Мне кажется, что он рядом – стоит лишь протянуть руку – и я коснусь его щеки.
Если б вы только знали – что для меня значит этот миг... Иногда мне чудится его профиль в окне напротив.
А один раз я увидела там женщину – она сидела и расчесывала перед туманным зеркалом свои длинные черные волосы.
И каждый вечер я ворочаюсь в кровати, сбиваю в жгут простыни, отталкиваю от себя подушку.
Мне восемьдесят шесть, у меня прекрасная память и я все время зову его. По имени и всеми уменьшительными прозвищами, которые мы давали друг другу раньше.
А сон все не идет.
Может быть, когда погаснут огни в доме напротив, я усну.
Но ни за что раньше.
Ни за что.

3. Ожидание

Я не знаю, что с этим делать. Не знаю даже сейчас. Я прихожу сюда – в этот дом напротив и смотрю. Молча, потому что меня все равно нельзя услышать. Но она – слышит. Она умеет читать мои мысли – спустя двадцать лет – до сих пор... Даже отсюда.
Моя Гала...

Я боюсь подходить слишком близко – чтоб не умереть от счастья, хотя, разве можно умереть дважды? Если я скажу – да, вы удивитесь, но это – правда. Потому, что снова начинает биться сердце, и делаются теплыми руки – от близости – ее. Оживает то, чего давно уже нет, потому что нет – меня. Но она – здесь, а значит и я, как же иначе? Хотите, назовите это любовью, хотите, судьбой – это ничего не изменит.

Просто есть нечто – и какая разница, в котором из миров, моем или вашем, если единственное, то, в чем смысл и боль и – все, вот оно – в доме напротив, смотрит сюда и продолжает звать – всегда.

И все точно так же, как тогда, в самый первый раз, когда мы увидели друг друга, в самую первую минуту – глаза встретили глаза, рука встретила руку, а сердце – сердце.

Потому что, что такое – двадцать лет, если перед нами – вечность.

И я знаю – уже скоро...

Белый тюльпан

Жидкость, жидкость, жидкость...
Кровь. Плазма...
Угроза шока.
Антибиотики.
...Четырехмесячная беременность.

Пострадавшая – врач, только-только получила диплом. Двадцать четыре года. Свадебное путешествие в... неважно куда. Автобус перевернулся в горах. У мужа – ни царапины, а она... Обе ноги раздавлены – почти раздроблены.

Ей сказочно повезло. Если это можно назвать везением... Оно оказалось бортом МЧС, возвращавшимся домой из очередной заграничной командировки с врачами и всем, что было ей так необходимо именно сейчас. Мы буквально упали с эшелона на зажатый в ущелье горный аэродром, куда ее должны были доставить с минуты на минуту на местной «скорой». Едва успели развернуться в торце полосы для обратного взлета, как прямо к аппарели подкатила машина с красным крестом. Ее мгновенно перекинули на наши носилки, бегом закатали их вовнутрь, и мы взлетели.

– Не повезло, – еле улыбается синими губами.
Очнулась. Дышит пока сама, но я боюсь как бы не пришлось интубировать.
Ниточка монитора мечется – пульс слишком быстрый
– Ребенок потерян? Да?
– Я не знаю, – честно отвечаю и стараюсь отвлечь ее.
– Тебе чудо, как повезло... И страховка есть, и борт тебе специальный. И домой летишь.
А то вон – в местной больнице тебе уже приготовились обе ноги оттяпать.
– А у нас думаешь – что?
– У нас – спасут. Спасут твои ноги. Про ребенка – не знаю. А ноги точно – спасут.
– А я не хочу ноги. Я хочу малыша. Попроси их, ладно? Попроси. Ребенка – в обмен на ноги.
– Перестань. Тебе не разговаривать сейчас, силы беречь...

Она закрывает глаза. Проваливается в черноту. Боль. Боль. Чем больше боли – тем легче дышать. Потому что если дать чуть больше обезболивающих – заснет слишком глубоко и дышать сама перестанет – тогда трубку в горло – да как можно нежнее и проворнее – но все равно давление упадет, и просто жидкости в вену уже не хватит – шок – адреналин – быстрее, быстрее и...

Если ребенок еще жив, то последнее, что он почувствует – разрывающее грудь биенье материнского сердца.

Хотя какой там ребенок. Так – комочек. Многие такие комочки не задумываясь выскабливают, как упаковку йогурта...

– Долго еще?
– Скоро. Потерпи. Муж-то где – следом летит?
– Летит... – Кусает губы.
– Больно? Терпеть можешь или?

– Могу. Пока могу. Только говори. Говори со мной. Не хочу опять в эту черную яму...¹
...Мне тридцать восемь. Я не умею плакать. Я не просто врач, а врач МЧС. Вы знаете куда и когда нас посылают. В последние годы все чаще и чаще. Но сейчас это неважно. Сейчас мне необходимо пробить скорлупу ее жуткого одиночества, одиночества боли и неизвестности.

Я беру ее за руку, и ее пальцы рефлекторно цепляются за мои.

...Она была моя студентка. На практике. Мы встретились год назад. А расстались... Да и не расставались мы... Просто у каждого своя жизнь. А между тем и этим произошло то, что произошло. То, что не стоило счастья и спокойствия наших близких.

А ребенок...

Что ж... Она сказала будущему мужу, что беременна. Свадьбу решили не откладывать, чтобы успеть насладиться свадебным путешествием еще до рождения малыша. Вот и насладились...

А я промолчал. Ни моя жена, ни двое наших мальчишек не были готовы к такой сногшибательной новости.

– Это Б-г меня наказал... За все...

– Что, Рита? О чем ты? Опомнись!

– Я знаю. Я и мужу так сказала... Когда меня увозили... Прости...

– Да что ты. Неважно это сейчас. Совсем...

– Не знаю. Может быть. Если мальчик родится... назову твоим именем... Можно?

Зуммер вызова по внутренней связи. Голос командира.

– Олег, как там твоя подопечная? Доведем?

– Если ты не угробишь – доведем...

– Во-во, в этом-то и дело. Понимаешь, кругом засветки, сплошной фронт... Если бы на посадку и взлет время не потеряли, успели бы проскочить. А теперь все закрылось – ни назад ни вперед. И верхом не пройти, наковальни местами до двенадцати тысяч. Хреново все, понимаешь... Минут через десять-двенадцать может такое начаться... Короче, сам все знаешь, который год летаешь. Ты подготовь там все на всякий пожарный, трясти будет так... Мы, конечно, постараемся, но тут уж – сам знаешь – все от бога...

И это началось... Огромную реактивную машину швыряло во все стороны, где-то в фюзеляже что-то грохнулось – не успели или забыли закрепить, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило снаружи... разряды, светящиеся от атмосферного электричества плоскости, которые неизбежно должны были вот-вот просто отвалиться, рев двигателей...

У Риты были совершенно безумные, потерявшие от страха и боли глаза, она смотрела на меня, я видел, как шевелятся ее губы и ничего не слышал, потом все вдруг куда-то провалилось, я обо что-то треснулся плечом так, что искры из глаз, упал на нее, закрывая своим телом и понимая только одно – конец... Самолет падал... Это продолжалось долго – часы, дни, годы, всю жизнь... Когда все это внезапно прекратилось, и я увидел в иллюминатор кусок голубого неба...

Минуты через две – все уже начали приходить в себя, не веря, что живы, снова вызвал командир.

– Олег, ну как? Полные штаны?...Твоя как – жива? Не зря хоть это все, а? Полтора километра высоты потеряли за считанные секунды – спасибо Илу – вывез родной... Я уж думал – труба...

¹ «Черный тюльпан» – во время войны в Афганистане, так называли транспортные самолеты ИЛ-76, перевозившие назад в СССР, тела погибших советских солдат. Для тех, кто уже не знает...

Мы ее довезли...

Отделение интенсивной терапии. Знакомые лица врачей. Принимайте ценный груз.
Потом – белое лицо мужа...

...Операции, осложнения, операции. Недели и месяцы...

Мальчик родился в срок и абсолютно здоровым.

Муж... Впрочем, не о нем речь.

Мы встречаемся раз в месяц. Гуляем по набережной, заходим в кафе. Долго сидим близко-близко друг к другу и говорим, говорим, говорим...

Рядом, в коляске, лупит по погремушкам Олег Олегович.

Счастье, которое можно потрогать руками.

Странная парочка – думают про нас. Абсолютно седой, хотя и не старый еще мужик.
Прелестная девушка в инвалидном кресле...

А потом – на прощанье – легкий, почти невесомый поцелуй и эта тупая непроходящая боль в груди, наверное, уже до конца...

Не захлебнуться тишиной...

Она перекатилась на живот и поцеловала Марка в губы. Поцеловала легко-легко, буднично так.

– Ты меня погубишь...

– Ты ошибаешься, я это уже сделал. С удовольствием. И продолжаю делать это каждый раз, когда вижу тебя. И буду продолжать делать это до тех пор, пока...

– Пока – что?

– Пока мы вместе, Лора... Вот и все. Но учти, что это будет долго, может быть, очень долго...

– Ты настолько меня любишь? – Она отодвинулась от него и оперлась на локоть.

– Я очень тебя люблю, ты даже не представляешь – как... У меня никогда не было такой, как ты... И, думаю, не будет. Просто потому, что второй такой – нет на земле... Иногда мне кажется, что ты можешь вернуть мне – музыку...

Он провел рукой по изгибу ее бедра.

– Даже внешне ты похожа на нее...

– На кого, Марк?

– На королеву музыки, на виолончель.

– Скорее, на королеву-мать. Не забывай, я на... почти пятнадцать лет старше...

– Правильно, ты ведь виолончель, созданная старым мастером, стало быть тебе должно быть никак не менее... ста пятидесяти-двухсот лет, – он улыбнулся, – но зато как звучат твои струны, и какое наслаждение извлекать эти звуки...

– Твои слова – боль и блаженство... Они стоят всей музыки мира. Кроме той, которая еще не написана... Твоего концерта для виолончели. Виолончели с оркестром. Для меня – с оркестром... Я буду твоей музыкой, твоим инструментом, твоей нотной бумагой, всем – пиши... Пиши – моей любовью к тебе.

...– Ты мой последний мужчина... – она лежала на боку и смотрела на него без грусти. – Когда я увидела тебя впервые, я это сразу поняла. Потому-то все и произошло так быстро... Я ведь уже большая девочка...

– И ты так спокойно об этом говоришь? Послушай, ты ведь очень красивая женщина, Лора. Скажи, сколько у тебя было мужчин? Хотя бы тех, кого помнишь, кто не прошел просто так...

– Зачем тебе знать, любимый...

Лора потянулась, выгнула спину, потерлась щекой о его плечо.

Теперь солнечный свет танцевал на ее животе и бедрах.

Где-то хлопнули ставни. Прозвенел колокольчик убегającego трамвая, зашумела встревоженная ветром листва.

Музыка была совсем рядом...

– Я же сказала, ты – мой последний. Какое мне дело до других – и тех, кто был, и тех, кто не будет уже никогда... Это же так просто, Марк. Ты заслонил их всех – и все...

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать лишь то, что сказала.

– Но ведь ты все еще так молода, так хороша собой, так упоительна, Лора...

– Дело не в этом, совсем не в этом... Просто я знаю, что только с тобой я смогу исполнить то, что должна... Те, что были раньше, были просто поисками – тебя. Я искала. И, наконец – нашла. Мне кажется, что вся моя жизнь была ожиданием этого утра, ожиданием – тебя...

– Ты вся – тайна, Лора... Ты так же таинственна и бесконечна, как музыка, которую я потерял.

– Она вернулась, твоя музыка, разве ты не... Ну, прислушайся... Слышишь, как задышали струны, как лег в ладонь смычок. Слышишь?

Он приподнялся, опершись на локоть, и сказал:

– Я знаю, кто ты, ты – виола. *Viola de l'amour*...

– Почему именно она?

– Однажды мне пришлось увидеть два инструмента Гварнери – скрипку и виолу. Он создал их вместе, не помню, для какого-то дожа... Так они и лежали рядом в футляре – юная девушка и женщина... А как они звучали! Ты напомнила мне эту виолу... Твое тело, его линии, и звучишь ты так же, особенно в низком регистре... Дай,, дай мне... услышать... еще раз... еще раз... еще...

...– Послушай... Послушай, она и в самом деле вернулась! Лора, она здесь, здесь... Она льется... Я слышу, я чувствую ее... в тебе... Каждую... ноту... каждый... звук... Все вместе и... всю... тебя... Ты полна ею, ты вся – она... Ты и есть – она, ты и есть – она,, ты и есть – она...

...Вслед за первыми скрипками вступили вторые и третьи, и все остальные инструменты, повинувшись невидимой дирижерской палочке, достигли вершины и – захлебнулись тишиной...

Звук виолончели ворвался в упавшую пустоту, заполняя собой все вокруг, и замер, и длился, и смычок был бесконечен и нежен, и груб, и беззащитен, рождая – Музыку...

...Низкое, вибрирующее, нарастающее «А-а-а-а...» возникло, взмыло в крещендо и, затихая – длилось, длилось, длилось... без конца...

– Марк, вы смели все авторитеты. Вы написали нечто такое, что не укладывается ни в какие каноны. Законов гармонии больше не существует... Прежних законов, потому, что вы их уничтожили и создали – свои... Ваш концерт... А почему у него такое странное название – «*Viola de l'amour*»? Это же концерт для виолончели... Да, она предшественница, конечно, но это необычно, странно... Н-да... Вы знаете, надо заказать партитуру для оркестра. Я думаю, через три-четыре недели мы сможем начать репетиции...

...Она не пришла. Ее место на премьере так и осталось пустым. Он искал ее – недолго. Скоро он забыл ее совсем.

Но иногда, в те вечера, когда он оставался один, и тишина становилась невыносимой, к нему прилетал чудесный, живой голос виолончели. Он говорил, шептал, трогал листы нотной бумаги и исчезал, оставляя на них – в верхней части, только три слова – «*Viola de l'amour*»...

Во имя отца и сына, и святого духа...

– Что значит, не совсем умер? Как это – не совсем?

– Простите, – говорю я, – я просто неправильно выразился. – Дело в том, что в настоящий момент времени жизнедеятельность всех его органов поддерживается нами искусственно. Поэтому, с формальной точки зрения, он – вроде бы – жив. Но мозг его мертв. Он пострадал необратимо. К сожалению... Он не в состоянии выполнять свои функции, и, как только аппараты будут отключены, органы его тела перестанут функционировать, и оно умрет. Повторяю – тело... Поскольку, практически, только оно и осталось, как человек, как личность, он уже не существует.

Я говорю, как робот. У меня сейчас ничего не выражающие глаза и отсутствующее выражение лица. Потому что каждый день – ну, почти каждый – передо мной одна и та же, похожая картина. Горе. И часто это горе приходит к людям вместе со мной. До того они могут хотя бы надеяться, а я эту надежду у них – отнимаю. Совсем. Несу им – смерть...

– И как долго вы еще будете... поддерживать?

– Столько, сколько необходимо, до принятия решения об извлечении его органов, в качестве донорских, для пересадки тем, кто в них нуждается...

– А кто... принимает это решение?

– По закону, если сам пострадавший не оставил на этот счет никаких распоряжений, то его ближайшие родственники. В данном случае – жена, вы...

– А если я не соглашусь?

– Тогда мы отключим его от аппаратуры сразу же.

– Но – почему?

Я смотрю на нее и терпеливо повторяю:

– Потому что его мозг уже умер, понимаете? Ваш муж умер от кровоизлияния в мозг. Его мозг залит кровью. Он не очнется никогда, понимаете? Это невозможно... Мозг умер...

– Умер?... Я все-таки таки не понимаю. Она сжала виски ладонями. – Вы говорите умер... А почему же он дышит?

Я вижу, что она на пределе. Бледное, осунувшееся лицо, дрожащие губы, красные, воспаленные глаза...

Но у меня нет выхода, мне нужен ответ и по возможности быстро, прямо сейчас...

Вы все об этом слышали – о людях, безнадежно больных, тех, у которых осталась единственная надежда – на чужую смерть. Их много, их очень много, и на всех все равно не хватит – да, но хоть кому-то, пусть хоть им. Хоть детям... Мне нужен ответ...

Ее муж умер внезапно, этой ночью. Абсолютно здоровый молодой мужик... Лопнула аневризма – такой маленький мешочек, наполненный кровью. И рядом была совсем другая женщина...

А жена примчалась рано утром к нам в отделение и – когда узнала – принялась выть – по-звериному. Потом замолчала, только глаза опустели...

Я так и не понял, осознала ли она, что ее муж умер даже не «у» – а «в» другой женщине...

А «другая женщина» – совсем еще молоденькая, испуганная девушка – сидела в коридоре и смотрела прямо перед собой сухими глазами.

Она сидела тихо и старалась быть незаметной, но почему-то все вокруг постоянно натывались на нее взглядами и – отводили глаза...

Когда приехала его дочка – тощая, вся в пирсинге, лет четырнадцати, первое, что она сказала, подойдя к матери, было:

– Сашка не придет. Он сказал, что... Сказал... В общем, что у него нет больше отца, и он не придет прощаться... И на похороны тоже...

Сама она вот уже третий час сидела рядом с кроватью и держала отца за руку.

– А органы? Его что же... Будут... резать?

– Чтобы извлечь органы, необходимо произвести разрез – да – но впоследствии все будет аккуратно зашито и абсолютно незаметно на похоронах.

– На похоронах? А, ну да... Я должна... подумать... Я должна... Я не знаю... Я не знаю – как бы он сам... Сережа...

...Я уже ничего не знаю. Мы прожили вместе шестнадцать лет, а я вот, оказывается, не знаю. И уже не исправить ничего. И даже упреки – тоже некому... Да и кому они сейчас нужны... Все... Уже – все, понимаете... Жизнь – мою, детей... Господибожемой, да берите вы все, все, что хотите, делайте, режьте, зашивайте! Все!

Дочка смотрела на нее ошалевшими, полными слез глазами, даже не замечая, что до крови впиалась ногтями в отцовскую руку. Она лишь смотрела на мать и, как сомнамбула, качала головой – справа налево, справа налево, шевеля губами и не произнося ни слова... Наконец, с трудом выдавила:

– Ты... Папа... – и, отвернувшись, упала головой на его тело. Мать перевела на нее глаза, увидела их руки, увидела выступившую кровь и, указывая на нее, прохрипела:

– Живой... Он же живой... А мы...

...– Пожалуйста, подпишите вот здесь и здесь.

– Что это?

– Это ваше согласие на извлечение легких, сердца, печени, почек. А вот это – на извлечение роговицы.

– Роговица – это что же? Это глаза?

– Не глаза, а передняя прозрачная оболочка глаза.

– Вы хотите забрать у моего Сережи глаза?!

Я вздыхаю.

– Не глаза, это – не глаза. Ничего не будет заметно. Просто спереди есть такая тонкая пленочка...

– Нет.

– Что нет?

– Я не согласна.

– Именно на роговину?

– Я не согласна. Это его глаза. Вы не понимаете... Его – Сережины... Я их... Нет, нет...

...– Оставьте меня все, отойдите от меня... Я люблю его... Не хочу, чтобы глаза... Как же он ТАМ – без глаз?!

И девушка в коридоре, наконец, заплакала...

Птицеловы

Как позволить себе говорить о любви?

Не просто абстрактно, рассуждать мы все мастера, а – о своем, о том, что внутри, и живет в тебе двадцать четыре часа в сутки без перерыва на обед. И не просто живет, а так и рвется наружу, как фонтан, как гейзер, и говорить об этом – о любви – хочется, потому что это – как спасение собственной жизни, иначе – затопит с головой...

Вот например – птицу поймать...

Птицу поймать непросто, но еще сложнее – решить – что с ней делать...

Любоваться, треньканье слушать и с руки кормить – да, пожалуйста – только она в клетке, чуть приоткроешь дверцу – не дай бог – улетит. Да и треньканьем наслаждаться – в лесу, на свободе, совсем другое дело. Приручить – много сил и времени на это уходит – но опять же – гарантии никакой – пролетят мимо братья, сестры, любовники, упорхнет от тебя – лови, попробуй...

А еще, можно так сильно ее желать, что взять и съесть. Только это больно быстро выходит – пять минут и все удовольствие. И уже не услышишь никогда...

...Колечко, которое я присмотрел, было не то что бы шикарным и очень дорогим, но необычным и запоминающимся. Как раз, как она любит. Вот завтра вытащу из кармана и коробочку с ним на открытой ладони прямо ей протяну. Она, конечно, мне на шею, а я в глаза ей посмотрю и замуж позову...

– Выходи – скажу – за меня...

Только вот, замужем она уже, такое дело... Да и вообще, банально это все – одну клетку на другую...

И не согласится она – на клетку то... Ей бы, птичке моей, летать – всю жизнь. Куда ей снова замуж. И потом, быт. Любовь наша – хрустальная, не для того мы ее так бережем и лелеем, от постороннего глаза укрываем, чтобы – р-р-раз – и окунуть с головой во все эти мерзости бытовой неустроенности и серости семейных будней – вот тебе, ешь, ешь.

Она мне:

– Макароны не забудь купить и яйца. А то кроме пива, толку от тебя...

Я ей:

– Ты вчера вон еще юбку купила, зеленую, и кофточки... две. И так уже в шкафу места нет, скоро в холодильник складывать начнешь...

Нет. Не хочу.

И она не захочет.

Муж у нее – музыкант, когда-то в оркестре играл. Она рассказывала – талант был редкий, каких мало, альтист. И альт у него был дорогой очень, особенный, чуть ли не Вильом или Альбани. Но – пить стал. Дальше вам ничего объяснять не надо, правда ведь? Сами все понимаете. И еще он на двенадцать лет старше ее, так что же вы хотите... Она говорит, что косится он на нее в последнее время, словно догадывается. И не разговаривает почти...

А у нас – уже год почти, представляете? Год счастья, не семейного, а обычного, человеческого, почти каждый день. Когда счастье – и каждый день, вы такое видели? Абсолют, понимаете...

...Дело не только в сексе, с этим как раз все нормально. Ну, то есть – улет... Но об этом я не хочу и не буду, это только наш с ней секрет и формула блаженства. Только ради этого уже стоило родиться, чтобы такое познать и испытать...

Я о другом – об Абсолюте. О поисках его. О том, как жить в одном городе – врозь и вместе – сразу, без быта, без боли, без усталости друг от друга... Ну вот любовь – нетто, понимаете...

...Подарю колечко и скажу:

– Просто так, любимая, просто так. Во имя нашей любви...

Хотя... А как же это она мужу дома объяснит колечко-то мое? Может – нашла... Конечно. А что? Что в этом такого – нашла... Повезло человеку один раз в жизни. Ну, вообще-то, не один. Но речь не об этом...

...Зато как ловко сидеть будет у нее на пальчике. Как она его теребить будет, так и сяк поворачивать, вспоминая обо мне...

Оказывается, когда бьют – в лицо, не по лицу – от любви, а – в лицо и «за дело», это ужасно больно и унижительно.

И унижение это настолько страшное, что слезы – не соленые даже, а – горькие, и не льются, а брызжут – мгновенно. Вот – удар, как взрыв, и – жар. Кожа, мякоть, кости – впечатываются, врезаются в тебя. Нет, не так, ты сама – врезаешься – в себя, чтобы убить – себя же... И – горячо, и горькие, горькие слезы...

Только это и помню – жар и горечь. И унижение...

Потом пришла боль, а все остальное – просто перестало быть...

Муж пришел с цветами.

Молчал. Ушел. Цветы лежали на подоконнике, пока не завяли совсем.

Любимый мой приходил – поникший, понурый. Не надо, милый, не надо. Это просто плата. За любовь. За наш Абсолют. Ведь за все надо платить, ты же знаешь, правда? Хороший мой...

И пусть. И пусть...

...Просто ты не знал, как сладок быт, когда вместе, если – любовь... Не знал. Боялся узнать... Ну, да я тебя на-учу...

Я ведь, если чего сильно захочу... А если что не так – ну мало ли, что в жизни случается-то...

Только не в лицо, любовь моя. Только не в лицо...

...А колечко – бог с ним. Бог с ним, говорю, с колечком.

Перед тем как ударить, он его с пальца у меня сорвал и отшвырнул. Закатилось оно куда-то. Наверное, за футляр от альта его. Найду. Не тревожься. Потом найду, ты не беспокойся, не надо. Главное – не в лицо...

Я навещаю ее по субботам. Раз в месяц. Уже целый год.

Чаще – никак не получается. Работа, то, се...

К тому же, женщина у меня теперь. Познакомился у друга на свадьбе, вот уже два месяца вместе. Расписаться собираемся. А после – еще труднее будет выбираться.

Да и не узнает она меня...

«...Закрытая черепно-мозговая травма в результате удара тупым предметом. Перелом нижней челюсти. Множественные кровоподтеки».

Это я в истории болезни увидел. Не понимаете? Сначала он ее – в лицо, а потом – по голове. А лицо у нее было... Как же это можно было – в лицо...

В отделении у нее весь персонал, нянечки там, сестры – женщины, она привыкла к ним, а тут санитар один из мужского отделения зашел случайно. Искал он кого-то, или что – не

знаю. Наверное показалось ей... И невысоко вроде, второй этаж, люди, бывает, с такой высоты падают, и – ничего... А она – прямо о ребро тротуара, тем же местом...

«Только не в лицо» – кричала...

А колечко мое только один раз и примерила. Вот...

Быть богом

– Остановка сердца! – старшая сестра кинулась к дефибриллятору.

Это произошло тридцать секунд назад.

У меня есть шесть с половиной минут, чтобы спасти его жизнь. Именно через это время мозг Однорукого умрет.

Шесть с половиной минут – до его смерти...

Само взрывное устройство было не очень большим и тяжелым – обычный термос, набитый взрывчаткой по самую пробку, и самодельный детонатор. Основной вес приходился на ржавые гвозди, гайки, болты и просто куски металла, которые должны были разлететься при взрыве, увеличив количество жертв многократно. Все это вместе весило килограммов пятнадцать и оттягивало его плечи и лямки старого, штопанного-перештопанного рюкзака.

Он даже спросил у Инженера, что будет, если они не выдержат, и все это упадет на землю прежде, чем он доберется до цели. Выводя провода к нему под куртку и закрепляя их на груди, тот ответил:

– Аллах велик. Положись на него и не сомневайся. Сегодня ты станешь шахидом, забравшим жизни неверных...

В реанимации – семь коек, у каждой своя история, часто – свое прозвище. У тех, кто на них лежит, иногда тоже.

У этого – Однорукий.

Моя команда обступила его и ждет указаний...

Оживлять – такое занятие... В общем, если получается, чувствуешь себя немного богом.

Получается где-то – пятьдесят на пятьдесят... Ну и, конечно, все зависит от слаженности действий.

Указания, больше похожие на приказы, все двигаются быстро и ловко – больной розовеет – одно удовольствие так работать...

...60 секунд...

– Шеф, мы готовы... Шеф!

...Шесть минут до его смерти...

Он хорошо знал дорогу. Много раз видел ее на экране монитора и слушал объяснения Инженера.

Как не вызвать подозрений.

Как дойти до цели.

Как затесаться в людскую толпу.

Произнести слова молитвы.

Замкнуть цепь.

Взрыва не произошло...

Он лежит у нас уже три недели. С того самого дня...

Ну, вы помните, целых два дня все газеты и все теле и радиопрограммы только об этом и говорили.

Кто-то первый произнес или написал: террорист – неудачник. Бомба взорвалась у него в руках, никого не убило – повезло, только одна женщина ранена осколками в живот. У самого

оторвало правую руку, а также многочисленные проникающие осколочные ранения лица и туловища.

Только одна женщина...

Времени уже не было, он это знал и сделал все, как научил Инженер. Недаром он так старательно тренировался. Он все запомнил, и руки сделали все сами.

Правая – в карман, там самодельная граната...

Левой – за кольцо, и...

Рывок!

Пять секунд...

Кругом люди, но даже те, кто близко, не успевают понять. Спокойные глаза и спокойные лица... А вот эта, она совсем рядом, с цветным пакетом в руках, смотрит на него с удивлением, не понимает тоже...

– Аллах акба-а-а-ар!!!

Ее привезли в шоке.

Широко открытые глаза, сухие губы и развороченный живот.

Когда ей расцепили руки, увидели пластиковый пакет, а в нем – иссеченные осколками, окровавленные распашонки и смешной детский розовый комбинезон с заячьими ушами на капюшоне.

– Это... для... Настеньки... – прошептала она и, наконец, потеряла сознание.

Я не знаю, почему не сдетонировал основной заряд, почему не разлетелась острая и ржавая смерть, которой был набит его рюкзак, почему не погибло, не осталось сиротами и вдовами еще множество людей. Им – повезло.

Не повезло только – ей...

...90 секунд...

...Пять с половиной минут до его смерти...

Его привезла следующая скорая – минут через двадцать. Кто-то в толпе все-таки догадался наложить жгут... Крови он потерял столько, что, несмотря на переливание и жидкости, почки отказали уже на следующий день.

Они лежали в соседних палатах...

...Утренний обход всегда начинался с нее.

Девочки-медсестры готовили ее к обходу с особенной заботой, она была чисто вымыта, руки и ноги смазаны смягчающим кремом, а каштановые волосы аккуратно расчесаны.

Шок. Сепсис. С каждым днем ей становилось хуже.

Ее навещали родители и девочка лет семи – старшая дочь. Не помню, как ее звали. Младшая – та самая – четырехмесячная, оставалась дома, ее не привозили ни разу...

Муж оставил ее еще до рождения второго ребенка. Может и приходил, не знаю...

Заканчивался обход всегда одинаково.

Я подходил к кровати Однорукого. Смотрел в медицинскую карту.

– Жизненные показатели в норме...

Потом бросал своему помощнику: – Закончи здесь без меня...

Я знаю, что было дальше.

Тот порекомендовал Однорукого молодым врачам. А те – скорее всего – медсестрам.

Антибиотики, жидкости, диализ... Стандартное лечение. Вот только... Понимаете, мы всегда полагаемся на себя, на больного и на судьбу. И делаем для этого все необходимое. А с ним – только на судьбу, Ни того, ни другого не встретишь ни в одной истории болезни...

Вчера, в четыре часа, она умерла.

Однорукий вскоре пошел на поправку.

А сегодня, еще и обход не начался – и вдруг старшая медсестра крикнула:

– Остановка сердца!

И вот мы – вся команда – сгруппировались у кровати Однорукого.

Что-то там заклинило в его недовзорванном организме – и сердце остановилось.

Я должен его спасать...

...120 секунд...

...Пять минут до его смерти...

– Командуй, ну!!!

– Шеф! С вами все в порядке?

Со мной-то в порядке.

Только меня со вчерашнего дня мучают вопросы.

Каково этим двум пожилым людям, в одночасье ставшим стариками – хоронить дочь?

Кто будет провожать старшую в школу? Давать ей с собой завтрак?

Кто купит Настеньке комбинезон с заячьими ушами?

И еще много других вопросов, на которые у меня нет ответа...

Пять минут...

Чтобы еще раз попытаться на несколько минут стать богом.

Знать бы только – что сам Он хочет от меня – на этот раз...

Самое страшное – какое бы я не принял решение в эту секунду – я буду проклинать себя за него всю оставшуюся жизнь...

– Адреналин!

Инь и Ян

Инь

Сегодня – скажу. Все, хватит, расстаемся. Скажу. Сумею.
Амой любимый, мой горячо и нежно любимый, это – услышит.
Мы десять лет вместе.
Именно – вместе, хоть и встречаемся раз в месяц.
Двадцать четыре часа – раз в месяц. Помножить на сто двадцать – это сколько ж часов счастья-то получается.
Самое удивительное, что любим друг друга. Хоть в этом повезло.
Иногда мне кажется, что вся жизнь моя – только ожидание его рук, его ладоней, его прикосновений...
Нет, конечно, я вполне успешная женщина, с карьерой, взрослой дочерью и двумя бывшими мужьями.
Я привыкла командовать дома и на работе, и даже нахожу в этом удовольствие.
Я никогда не расслабляюсь до конца, и внутри у меня – ледяной стержень.
И все таки, это – не совсем я...
Потому, что стоит мне закрыть глаза...
Услышать его голос...
Почувствовать его руки...
Да что там почувствовать – только подумать о них...
И...

...Иногда руки говорят о человеке гораздо больше, чем лицо.
Лицо можно сделать. Выучить улыбку, подвести глаза, надуть важно щеки.
А руки, вот они – какие есть. Беззащитные.
Холодные, влажные, горячие, дрожащие, крепкие, сухие, волосатые...
По рукам всю подноготную о человеке можно узнать.
Говорят, хорошие врачи по рукам диагноз умеют ставить.

А я... Что мне диагноз?
Просто я – в его руках – не женщина, а – ветер, река, куст земляники... Срывай, ешь...
Может быть, поэтому, иногда, после нашей сумасшедшей близости, я эти руки целовать хочу.
И он об этом знает.
Он – все про меня знает.
Все десять лет, все эти годы, он открывает меня. Самой себе.

Сегодня я скажу ему – хватит. Расстаемся.

Когда мы встречаемся...
О, как мы ждем этих встреч... Эта дрожь, это ожидание – лучший любовный напиток.
И – самый главный миг – первое прикосновение.
Он всегда сначала гладит меня по щеке. Просто прикладывает ладонь, крепкую, гладкую, теплую ладонь – к моей щеке и замирает...
А я... Я кладу руку ему на грудь и слушаю – сердце...

Мое-то – скачет, как у зайца. А у него – всегда, всегда, что бы ни произошло – ровный, нормальный ритм.

Если б не руки и глаза, можно подумать – и не скучал по мне целый месяц.

И, как вам объяснить это, не знаю, но именно то, что пульс его спокойный и ровный – заставляет меня желать его еще больше, насколько это может вынести мое сердце.

А то, как он смотрит, и что говорит.

Нет мне жизни без него...

И сегодня я скажу – хватит. Расстаемся.

Он всегда читает мои мысли – по глазам, по первым фразам, по улыбке. Знает, чего ожидать – а что – и у нас всякое бывает, мы же, считай, семья...

Я и боюсь его угадывания, его проникновения в мою суть, и желаю – больше всего на свете. Поэтому и не скрываю никогда и ничего – знаю, что бесполезно.

Сегодня – в первый раз.

Еще тридцать ступенек.

Двадцать секунд.

Ключ – в замке.

В первый раз – совру...

Скажу, надо расстаться, снова замуж выхожу.

И бог даст – он мне поверит... Потому, что правда – это...

Правда – это диагноз...

Ян

Я всегда приезжаю первым. Жду ее прихода, укладываю в холодильник продукты, неторопливо вытираю пыль, ставлю в вазу цветы.

Мне нравится ее – предвкушать...

Раздвигать шторы, распаивать окна. Впускать – жизнь.

Она до сих пор любит белые розы.

Двенадцать букетов в год.

Десять лет.

Я всегда знал, что однажды все закончится. Просто потому, что кончается все и всегда. И с этим ничего не поделаешь.

Я знал, что однажды скажу ей, что больше не приду. И не приду...

И все. И никаких объяснений. Потому, что обида поможет ей пережить необратимость происшедшего. Другого средства я не знаю, или его нет вовсе.

И я слишком хорошо знаю ее...

Когда я почувствую, что уже не... Ну, что я должен объяснять?

Между нами – сумасшедшее влечение и разница в двадцать лет. Все эти годы мы пьем друг друга по капле. Этих капель уже – океан. Океан счастья. Но и у него есть берег, и он приближается, как ни меняй курс и ни пытайся плыть против ветра.

Я просто хочу остаться для нее мужчиной – вот и все. Правда просто?

Я никогда не плачу. Ну, то есть, ребенком – да, разумеется, дети плачут все. Пока ты маленький, мир большой, и между миром и тобой – те, кто защищает, охраняет, любит – можно себе это позволить. Но это – недолго. Потом ты растешь, а мир делается все меньше, пока не становится таким маленьким, что целиком умещается у тебя внутри – в твоей памяти, твоим

сердце... Тогда слезы возвращаются. Иногда, изредка. Не из жалости к себе, а из-за боли за тех, кто рядом, кто дорог, кого – любишь. Потому, что знаешь, что у них впереди...

Н-да... Зачем я все это говорю...

Нет, мне пока рано. Еще – рано. Но месяц назад, в последнюю нашу встречу, я понял, каково это, всего на несколько минут, когда случайно уронил ее сумочку на пол. Она была в душе, а я стал собирать неимоверное количество разных женских мелочей и безделушек, среди которых была одна единственная бумажка, сложенная вдвое. Я развернул – это было направление на химиотерапию, в онкологический центр. На несколько минут она вдруг перестала быть. Ее не стало. Я остался один, а мир стал крохотным. И я понял, что плакать можно не только в детстве...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.